Дубль

1907.

БУКСИРЪ

Политико-сатирическій художественный сборникъ.
Цѣна 10 коп.

Сказка о Минотаврѣ.

Гдѣ-то, далеко и высоко, на вершинѣ холма, жило когда-то страшное чудовище. Ходили о немъ темные слухи—и его боялись.

Проходили такъ цѣлые вѣка. Однажды кто-то громко сказалъ: „Минотавръ только сказка!" „Мы только терпимъ отъ тѣхъ, которые насъ запугиваютъ однимъ его именемъ!" Въ измученныхъ сердцахъ разцвѣла рѣшимость. Трусы превратились въ смѣлыхъ—и замокъ страшнаго чудовища оказался пустымъ.

Минотавра не было, послѣ того, какъ перестали вѣрить въ его существованіе.

Изъ предвыборныхъ мотивовъ.

Сколько толковъ, сколько шума
Вызываетъ эта дума!
Какъ дыханіе Самума
Пронеслося надъ страной,
И опять какъ будто сняты
Наши туфли и халаты
И колпакъ ночной.

— —

И, готова вѣрить чуду,
Поднялася отовсюду
Тьма разбуженнаго люду
На отрадный свѣтъ мечты;
А за нею въ тѣ же двери
Лѣзутъ гады, прутся звѣри
И домашніе скоты.

Эластиченъ, но упоренъ,
Снова пасть открылъ Суворинъ
Хитроумный дѣдъ,—
И вчерашнюю шарманку
Вновь заводитъ на изнанку,
И гремитъ кадетъ.

— —

Одинокъ, обезкураженъ,
Всякой немочью загаженъ,
Полудохлый глистъ,
Позабывъ былую позу,
Изъ россійскаго навозу
Выползъ Октябристъ.

— —

Все бушуя, всѣхъ калѣча,
Іоанновскій предтеча,
Собирается на вѣче,
Русскій патріотъ.
И, цѣлуяся съ бутылкой,
Кулаки сжимаетъ пылко,
Крестится и пьетъ.

——

И подъ стягомъ черной сотни
Всѣ служители Господни
Стали въ тѣсный рядъ.
И Григорію Петрову,
Что поноситъ рать Христову,
Предрекаютъ адъ.

Прежней вѣрою согрѣты,
Ходятъ козыремъ кадеты,
Гордо подбочась,
А нахалы-изувѣры,
Пресловутые эсъ-эры
Ихъ сажаютъ въ грязь.

——

. . . . . .

Только сердце не забыло,
Что ужъ разъ все это было...
Оттого порой уныло,
Сумрачно глядишь:
Много треска, много шума,
А приступитъ къ дѣлу дума,
Выкуси ка шишъ!

Альми.

Изъ бумагъ сановника.

Сегодня утромъ я и мои близкіе прочли о моемъ назначеніи на важный и отвѣтственный постъ. Тотчъ съ-же все у насъ приняло видъ глубокаго траура. Всѣ стали ходить на цыпочкахъ и говорить какъ можно тише.

Наше унылое настроеніе пытался разсѣять случайно пріѣхавшій о. Стефанъ, который разсказалъ намъ удивительную исторію о томъ, какъ онъ однажды послѣ поминальнаго обѣда спустился съ пятаго этажа безъ всякой посторонней помощи и пришелъ домой цѣлымъ и невредимымъ, не потерявши не только ни единаго волоса, но даже ни одной галоши.

Въ концѣ концовъ мы всѣ настолько воспрянули духомъ, что будущее начало намъ представляться въ розовомъ свѣтѣ. Моя жена заговорила о матеріальныхъ и нравственныхъ удобствахъ нашего новаго положенія.

— Что тамъ ни говори, сказала она, а жизнь въ большомъ городѣ съ приличными доходами куда пріятнѣе, чѣмъ въ этакой глуши. Отовсюду тебѣ вниманіе, почетъ, поздравленія...

Моя жена запнулась.

О, проклятіе!.. тутъ мы всѣ вспомнили, что до сихъ поръ нами получена только одна поздравительная телеграмма, и то отъ моего злѣйшаго врага.

Но моя половина опять продолжаетъ:

— Къ чему предаваться печальнымъ мыслямъ?

Ты только подумай: пріемы, выѣзды, присутствіе на разныхъ торжествахъ...

— Какъ напримѣръ освященіе какой либо церкви, добавляетъ о. Стефанъ.

У меня начинается странная дрожь, но увлекшаяся супруга уже ничего не замѣчаетъ.

— Всю свою жизнь, щебечетъ она—я мечтала о хорошемъ экипажѣ, и теперь мои мечты наконецъ сбылись. Вѣдь правда же, мы пріобрѣтемъ карету?

— Да, да, бормочу я, чувствуя, что у меня начинаетъ прыгать лѣвое колѣно.

— А лѣтомъ, папочка, восклицаетъ съ энтузіазмомъ дочь, мы конечно будемъ жить въ какой нибудь роскошной дачѣ вблизи города.

— Само собою разумѣется, отвѣчаетъ за меня о. Стефанъ, ибо благорастворeніе воздуховъ...

— Да, да, на дачѣ, на дачѣ,—хлопаетъ въ ладоши жена.

Я молчу. Меня лихорадитъ...

Сильфъ.

Изъ всѣхъ свободъ,
Грозна, сильна,
Царитъ, цвѣтетъ,
Одна, одна...
Темно вокругъ,
Не видно зги,
Лишь будятъ слухъ
Ея шаги.

Шаги молчатъ,—
Она прошла,
Окрестъ лежатъ
Тѣла, тѣла!—
Кошмаромъ злымъ
Тревожа сны...
Нѣтъ счета имъ,
И нѣтъ цѣны!

Куликъ.

Изъ новыхъ пѣсенъ.

На мотивъ:
„Ванька былъ пригожій парень“.

Лидваль былъ пригожій „янки“
Не дуренъ собой
Да и Гурко штука тоже
Штука ой, ой, ой!

Разъ Лидвалю Гурко хлѣбный
Предложилъ подрядъ,
Лидваль сразу согласился:
Русь спасти онъ радъ.

АМЕРИКАНСКАЯ „СКЛАДКА“

КЭКЪ-УОКЪ НА СЧЕТЪ ГОЛОДАЮЩИХЪ

И Лидвалю Гурко молвилъ
„Я задатокъ дамъ“,
А Лидваль ему отвѣтилъ
„Разочтемъ ужъ-тамъ“

Настрочили вмигъ бумагу
Разсчитавъ барышъ.
И „барону“ кой-что дали,
А голоднымъ шишъ.

Въ судъ всю тройку притянули,
Разсудили все,
А потомъ, что, братцы, было.
Не узналъ никто.

М. А.

О конституціи.

Легенда.

... Какой-то провокаторъ, запыхавшись, прибѣжалъ къ пограничнымъ стражникамъ и заявилъ, что съ курьерскимъ поѣздомъ, который сейчасъ прибудетъ изъ-за границы, должна пріѣхать весьма и весьма подозрительная особа женскаго пола, имѣющая скрытую цѣль перебраться въ Россію не опознанной.

Стражники приняли во вниманіе сенсаціонное извѣстіе, насторожились и послали нарочнаго къ жандармамъ съ просьбой не дремать и быть готовыми ко всему.

Жандармы зазвѣнѣли шпорами, выпятили молодецкія груди и начали судорожно натягивать бѣлыя перчатки, такъ какъ до прихода поѣзда осталось всего нѣсколько минутъ.

Въ мгновеніе ока вокзалъ наполнился агентами охраннаго отдѣленія, а перонъ украсился опытными и лихими жандармами.

Грохоча и выпуская густые клубы дыма, приближался заграничный поѣздъ, и всѣмъ охранникамъ было немного жутко, а одно жандармское сердце чуть не взорвалось отъ переполнявшей его жажды подвиговъ и безкорыстнаго служенія родинѣ.

— Гляди въ оба!—скомандовалъ кто-то гробовымъ басомъ, и всѣ замерли.

Не успѣла еще вся публика выйти изъ вагоновъ, какъ одинъ многоопытный охранникъ безцеремонно остановилъ властной рукой куда-то опрометью спѣшившаго мужика въ русской поддевкѣ и въ сапогахъ бутылкой.

— Виноватъ!—произнесъ крѣпко вцѣпившійся въ рукавъ оробѣвшаго мужика сыщикъ.—Будьте такъ любезны не отказаться пройти съ нами въ кабинетъ г-на начальника станціи...

Мужикъ упорно молчалъ и даже невооруженному глазу было ясно, что его истинно-русская борода и разбойничьи усы — приклеены рукой непроходимаго профана.

Совсѣмъ растерявшагося и онѣмѣвшаго отъ испуга мужика приволокли въ кабинетъ начальника станціи и сейчасъ-же потребовали разоблачиться.

Мужикъ продолжалъ хранить молчаніе, но когда сыщики къ нему приблизились, чтобы раздѣть его,—не вытерпѣлъ и тоненькимъ сопрано заговорилъ, огорошивъ присутствовавшихъ:

— Не прикасайтесь ко мнѣ: я — женщина!

И тутъ-же сняла истинно-русскую бороду и разбойничьи усы.

Глазамъ сыщиковъ представилась чудная, статная, красивая женщина, энергично разоблачавшаяся: на полу валялись отдающіе дегтемъ сапоги, національная поддевка, малиновая рубаха, жилетъ, широкіе брюки — вперемежку съ парикомъ, грубо пришитымъ къ шапкѣ.

— Милостивая государыня! — обратился къ ней почетный сыщикъ. — Увѣдомляю, что этого намъ еще не достаточно. Мы обязаны разоблачить васъ до конца; ибо увѣрены, что вы коечто взяли съ собой и думали контрабанднымъ способомъ провезти взятое заграницу. У насъ есть, милостивая государыня, нѣкоторыя основанія думать, что вы—контрабандистка!

Очаровательная женщина сначала попробовала было протестовать и возмущаться, но затѣмъ, перемѣнивъ гнѣвъ на милость, позволила безтактнымъ и назойливымъ охранникамъ разоблачить ее.

Оказалось, что грудь и плечи неопытной контрабандистки сплошь были окутаны красной матеріей.

— Это что-же такое? — спросили ее торжествующіе сыщики.

Очаровательная контрабандистка завертѣлась, точно юла, а злобствующіе охранники принялись распутывать матерію.

По мѣрѣ того, какъ станціонные жандармы въ содружествѣ съ охранными агентами распутывали матерію, имъ попадались всевозможныя надписи вопіющаго содержанія, напримѣръ:

„Свобода слова!"

„Свобода союзовъ!"

„Свобода личности!"

И т. д. и т. д.

Разумѣется, сыщики догадались, кто такая контрабандистка и что представляютъ собою красная матерія и непозволительныя надписи на оной.

Всѣ пришли къ тому заключенію, что стоящая передъ ними—преступница по имени Конституція, рѣшившая обманнымъ образомъ, подъ видомъ костромского мужика, проникнуть незамѣтно въ Россію...

По предложенію одного изъ присутствовавшихъ, рѣшено было отправить срочную телеграмму—въ Персію, т. к. очень можетъ быть, что г-жа Конституція именно оттуда удрала.

А пока распорядились означенную Конституцію запереть на ночь подъ семью замками въ какое-то спеціальное помѣщеніе и приставить къ желѣзнымъ, наглухо заколоченнымъ дверямъ вооруженную, самоотверженную и надежную охрану...

Но утромъ, случилось невѣроятное: когда въ изолированное помѣщеніе явились жандармы, чтобы препроводить арестованную госпожу въ тюремный замокъ—ея не оказалось...

Г—жа Конституція оставила послѣ себя записку, въ которой значилось:

„Ищи вѣтра въ полѣ!.."

Жандармы кровно обидѣлись; почетный сыщикъ, узнавъ о побѣгѣ арестованной Конституціи, предупредилъ коллегъ, что непремѣнно покончитъ съ собой, но — передумалъ; на бѣду, въ Россіи готовились къ открытію Второй Думы, а потому „упечь" отчаянную госпожу было-бы очень кстати.

Бунтовщикъ.

Голодъ.

(Фантазія).

Деревня застыла. Надъ дремлющимъ боромъ –
Лишь мѣсяцъ въ морозную ночь заблеститъ,
На дровняхъ, съ гробами, царь—Голодъ дозоромъ
Со свитой лихою на жатву спѣшитъ.

Хмѣльной, онъ обнялся со смертью костлявой,
Коня понукаетъ старуха Нужда,
Цынга на запяткахъ и тифъ здѣсь съ отравой,
Пощады не будетъ—имъ милость чужда.

Смерть точитъ косу, а царь,—Голодъ ликуетъ,
День каждый готовитъ обильный укосъ—
А въ избахъ холодныхъ безмолвье тоскуетъ,
Да съ хохотомъ пляшетъ трескучій морозъ.

Лирикъ.

Вѣрь!

Ты громко звалъ къ себѣ свободу,—
Во тьмѣ скорбя.
Въ союзѣ съ ней—ты шелъ къ народу,
Онъ ждалъ тебя.
Сойдясь съ врагомъ, судьбы велѣньемъ—
Ты рано палъ.
И сомнъ рабовъ, въ борьбѣ съ сомнѣньемъ—
Не устоялъ.
Настала ночь, полѣзли гады.
Изъ темныхъ норъ.
Взоръ свѣта ждалъ, но безъ пощады
Царилъ позоръ.
Подъ игомъ жизни, въ мглѣ туманной,
Надежды нѣтъ;
Лишь сердце шепчетъ: вѣрь, желанный,
Забрезжитъ свѣтъ!

А М.

Изъ писемъ къ дядюшкѣ.

Дорогой дядюшка!

Прежде всего спѣшу Васъ поздравить съ новымъ назначеніемъ на постъ губернатора и съ благополучнымъ прибытіемъ на мѣсто служенія. Тетя Зина, проводивъ Васъ, прямо съ вокзала поѣхала къ Іоанну Кронштадскому. Вѣдь въ наше время благополучное прибытіе куда-либо особы выше IV класса—можно считать уже большимъ чудомъ. Дядюшка, поздравьте и меня: тетушка, наконецъ-то, устроила меня въ Департаментъ Преувеличенныхъ Сборовъ и весьма удачно: дѣла никакого и 6000 руб. жалованья при готовой квартирѣ.

Хотя я, дядюшка, молодъ и еще неопытенъ въ дѣлахъ государственныхъ, но, стоя, такъ сказать, у колесъ административной машины, считаю долгомъ подѣлиться съ вами первыми впечатлѣніями службы. Образъ моихъ мыслей и убѣжденій Вамъ извѣстенъ, но все же я отношусь съ нѣкоторымъ сомнѣньемъ (это между нами) къ дѣйствіямъ нашего правительства.

Рѣшительно не понимаю нашей администраціи. Возьмемъ, par exemple, событія послѣдняго времени. Напримѣръ, деревенскіе бунты: у насъ прежде всего скачетъ урядникъ, потомъ становой, за нимъ мчатся приставъ, иногда даже губернаторъ, казаки и, excusez du peu, артиллерія. Вѣдь это же большихъ денегъ стоитъ, проще было-бы держать гдѣ нибудь по близости нѣсколько бочекъ водки и при первыхъ признакахъ неповиновенія властямъ,—выкатывать откуда-нибудь эти бочки,—народъ сразу напивается и бунтъ конченъ. Мнѣ возражаетъ кузенъ Сержъ, что тогда придется выкатывать каждый день, повсемѣстно, въ Россіи бочки и что это будетъ еще дороже—но не надо забывать устои и режимъ,—а расходы по спаиванью заплатитъ тотъ же народъ: разсчетъ ясенъ, какъ день, comme bonjour. Далѣе возмемъ митинги: разные тамъ революціонеры и агитаторы имѣютъ успѣхъ, потому что кромѣ митинговъ у насъ нѣтъ никакихъ даровыхъ развлеченій. Вѣдь надо же отвлекать людей, и если на митингахъ поставить, напримѣръ, граммофонъ или устроить при входѣ безпроигрышную лоттерею-аллегри съ безплатнымъ буфетомъ, то публика заинтересуется — и весь этотъ такъ называемый политическій угаръ—какъ рукой сниметъ. По поводу этихъ двухъ проектовъ я пишу докладъ и полагаю, что онъ будетъ имѣть успѣхъ въ извѣстныхъ предначертаніяхъ.

Самая большая опасность намъ грозитъ со стороны Думы, но и для этого, au fond, можно найти средство: напримѣръ, обязать всѣхъ говорить только по французски — тогда будутъ говорить вообще только „наши“ или люди „воспитанные“.

Кстати, дядюшка, у меня къ Вамъ просьба:—мой другъ Пьеръ Ослищевъ слышалъ, что у Васъ начинается продовольственная кампанія. Пристройте его, человѣкъ онъ хотя и съ домашнимъ образованіемъ, но вполнѣ надежный и не выдастъ. Репутація его была бы безупречна, еслибъ не глупѣйшая исторія въ одномъ благотворительномъ дѣлѣ, въ которомъ неожиданно пропало 10.000 р. Но всѣ въ одинъ голосъ обвиняютъ артельщика, который давно уже сосланъ. Къ тому-же Ослищевъ вполнѣ раздѣляетъ наши политическія убѣжденія.

Пока до свиданія, дядюшка; можете быть увѣрены, что я и впредь буду держать Васъ au courant нашихъ событій.

Любящій Васъ племянникъ
Викторъ Недоноскинъ.

Сообщилъ **Амеръ**.

Баллада.

Пустынное поле. Подъ луннымъ мерцаньемъ
Какъ призраки, ночью, туманы встаютъ...
На гребняхъ тумановъ, въ побѣдномъ сіяньи,
На тризну по братьямъ видѣнья плывутъ.
Печальны ихъ взоры, и лики ихъ строги,
Безплотныя очи лишь местью горятъ;
На плечахъ могучихъ пурпурныя тоги,
Въ безтрепетныхъ дланяхъ сверкаетъ булатъ.
И тянутся медленной, мѣрной чредою,
Пока не достигнутъ завѣтныхъ могилъ:
Зарыты въ нихъ витязи съ чистою душою,
Народа заступники—полные силъ.
За свѣтлыя чувства святыхъ убѣжденій,
Сраженные злобой борцы здѣсь легли.
Погибли за правду и въ мракѣ забвенья
Земные останки пріютъ здѣсь нашли.

Вотъ тѣснымъ кольцомъ окружили гробницы,
Въ почетную стражу сомкнулись ряды,
И въ память усопшихъ, до первой денницы
Несется побѣдная пѣсня вражды.
Съ призывомъ не здѣшнимъ, широкимъ какъ море,
Ударила пѣсня, какъ вѣщій перунъ.
Съ обѣтомъ награды, за прошлое горе
Рыдаютъ аккорды ликующихъ струнъ.
Въ той пѣснѣ святой, какъ любовь безконечной,
Поется о счастіи лучшихъ временъ,
О чувствахъ великихъ, о памяти вѣчной,
О славѣ грядущей ихъ честныхъ именъ.
Но лишь на востокѣ зардѣетъ денница,
И, вздрогнувъ, туманы изчезнутъ, какъ тѣнь,-
Видѣній неясныхъ бѣгутъ вереницы,
На смѣну имъ встанетъ ликующій день. —

Лирикъ.

Объ ассоціаціи.

Статья не политическая.

...Когда, получивъ аттестатъ зрѣлости, я пришелъ—усталый—въ свою комнату,—кто-то постучался ко мнѣ.

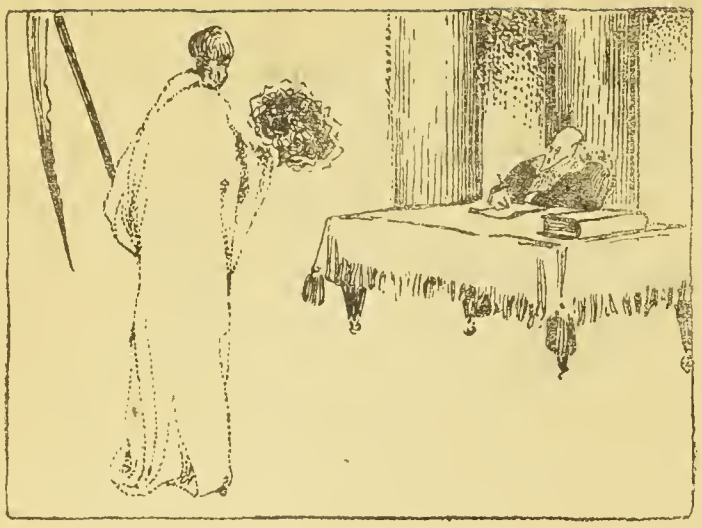
— Здравствуй, милый!—сказалъ возбужденный дядя послѣ того, какъ я попросилъ стучавшагося войти. —Поздравляю, поздравляю! Молодецъ, чортъ возьми; честное слово—молодецъ!

И дядя полѣзъ цѣловаться.

Я удивился, такъ какъ не могъ объяснить, что это значитъ: мой дядя мной никогда не интересовался и на все, къ чему я стремился, ему было въ сущности, какъ говорится, въ высокой степени наплевать.

— Ну, вотъ! — началъ торжественно дядя, вплотную подойдя ко мнѣ.—Все это прекрасно, восхитительно, чудесно. Какъ опекунъ, я теперь обязанъ тебѣ дать нѣсколько дружескихъ совѣтовъ, къ чему я и приступаю. Ты—студентъ; въ настоящее время ты свободенъ, тебѣ не нужно ходить ежедневно въ гимназію и—какъ это ни грустно—ты долженъ отказаться отъ пріятнаго удовольствія играть со своими сверстниками въ чехарду. Словъ нѣтъ, это печально, и я сочувствую тебѣ. Ну-съ, а теперь вотъ что я скажу: въ публичные дома ходить избѣгай; во избѣжаніе всякихъ тамъ недоразумѣній, никогда не рѣшайся сходиться съ этими... какъ ихъ?.. съ уличными жертвами... вотъ забылъ!.. Ахъ, вспомнилъ: съ жертвами общественнаго темперамента... которыхъ ты не знаешь. Я совѣтую, какъ другъ, ходить вотъ куда:

Любезный дядя порылся въ карманахъ и вы-



удилъ оттуда какую-то бумажонку, четко и старательно исписанную и подалъ мнѣ.

— Какъ видишь, я забочусь о тебѣ, какъ отецъ родной. Я—человѣкъ опытный и, если что совѣтую, то знаю, что говорю. Свободное время, миленькій, нужно знать, какъ использовать. Профанъ, за всю свою жизнь ни разу не попавшій въ хорошій кафе-шантанъ, конечно, погибнетъ, какъ муха въ паутинѣ. Другое дѣло—ты, который, если только принять во вниманіе мои совѣты, выйдешь непремѣнно сухимъ изъ воды!.. О клубахъ я скажу то же: не ходи безъ разбору, о-пас-но! У меня гдѣ-то былъ подробный списокъ... неужели потерялъ?.. А-а!.. Существуетъ!.. Такъ вотъ, голубчикъ: въ эти можно; не обманутъ, и общество приличное. Иногда въ эти клубы заглядываетъ m-elle ***. Головокружительное существо! Венера милосская ей въ судомойки не годится... У нея—одурманивающія юбки и станъ королевы...

Дядя, увлекшись, забылъ о моемъ существованіи: онъ, воздѣвъ глаза къ потолку, что-то лепеталъ—сбивчиво и неясно—а я... думалъ о Худековѣ.

Недавно въ иллюстрированномъ приложеніи къ „Петербургской Газетѣ“ (№ 5) былъ помѣщенъ рисунокъ, изображающій съ неимовѣрнымъ трудомъ добившихся, наконецъ, долго-жданнаго сокращенія рабочаго дня служащихъ,—объ руку съ декольтированными проститутками, щеголяющихъ по освѣщеннымъ электрическими люстрами заламъ клубовъ, кафе-шантановъ и всевозможныхъ учрежденій, о которыхъ безъ оглядки говорить крайне рисковано.

Подъ рисункомъ было чернымъ по бѣлому выведено: „Благодаря новымъ правиламъ о торговлѣ, служащіе имѣютъ нѣсколько лишнихъ часовъ для нравственнаго отдыха“.

Читатель, прости меня за то, что любезный, забывшій сейчасъ обо всемъ на свѣтѣ, мой дядюшка, напомнилъ мнѣ г-на Худекова: я, ей богу, не виноватъ!

Новичокъ.

Тишина.

Ночь. Большая комната. Окна плотно завѣшены тяжелыми шторами. Мягкій матовый полусвѣтъ. У письменнаго стола, на которомъ помѣщается телефонъ, опершись головой на руки и касаясь стола двумя полостями бороды, сидитъ нѣкто въ золотомъ шитомъ мундирѣ.

Тишина. У дверей, напоминая собою статуи, вытянулись два человѣка.

Динь, динь, динь... Изъ подъ головы освобождается рука и тянется къ слуховой трубкѣ.—„Откуда“?—Россійское Телеграфное Агентство—какъ прикажете сообщить о дальнѣйшемъ ходѣ выборовъ?—„А что“?—Все тоже—эсдеки, эсеры, имъ-же нѣсть числа.—„Ну, а кадеты?“—Маловато.

Слуховая трубка повѣшена на крючекъ и снова тихо, тихо.

Динь, динь, динь...—„Кто“?—„А. Ст—нъ“—Голубчикъ, о чемъ писать?

Минута молчанія.—„Подтяни правыхъ за недостатокъ энергіи“—Ну, а затѣмъ.—„Затѣмъ?“. Слуховая трубка водворяется на мѣсто.

И снова все тихо, тихо...—полное успокоеніе.

Дудка.

Новѣйшія пословицы и поговорки.

На всякаго избирателя—по два избивателя.

У кого стыда нѣтъ —тотъ не „покраснѣетъ“.

У людей,—выбираютъ, у насъ—кряду хватаютъ.

У людей—мѣряютъ, у насъ—вѣшаютъ.

Давай *подрядъ*—возмешь *подрядъ*.

Свободъ полонъ ротъ—еле дышется.

Въ кассахъ крысы пищатъ, зато тюрьмы трещатъ.

Куликъ.

Провинція.

Ялта. „Кто за православную Русь, — кто за единую нераздѣльную Русь, — кому дорога родина,—оберегайте ее отъ хищническихъ плановъ инородцевъ и голосуйте за слѣдующій списокъ выборщиковъ:

1) Мустафъ Магомедъ Оглы.
2) Остафъ Аглы Селиванъ.
3) Али Бекъ Джалдари“.

Интересно по чьей милости занесены славныя имена ялтинскихъ проводниковъ въ списокъ выборщиковъ отъ „союза истинно русскихъ людей“.

Врядъ ли по милости отцовъ города. Вѣроятнѣе всего по милости ихъ женъ и дочерей.

Дюкъ.

„РАСПРОСТРАНИТЕЛЬ“

Издательство „Распространитель“.

Пушкинская 19, кв. 17.)|(*Телефонъ № 51—82.*

ГАЗЕТЫ: „ИЗВѢСТІЯ СОВѢТА БЕЗРАБОТНЫХЪ ЮМОРИСТОВЪ“, „САТИРИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА“.

Цѣна отдѣльному выпуску 5 коп.

ЖУРНАЛЫ: „НОЧЬ“, „РАПИРА“, „ЕЖЪ“, „КОМЕТА“, ВОДОЛАЗЪ, МАЛЕНЬКІЙ ЖУРНАЛЪ и НАКАНУНѢ.

Цѣна 6 коп., 8 коп., 10 коп., и 15 коп.

БРОШЮРЫ: М. Я. ГЕРЦЕНШТЕЙНЪ, съ портретомъ. Цѣна 10 коп. ДЕНЬ ГНѢВА, Риделя 15 коп.

ПАРЛАМЕНТЪ НАСѢКОМЫХЪ Ю. В. ГОЛЬДБЕРГА. Цѣна 15 коп.

Принимаются къ изданію всякаго рода сочиненія на выгодныхъ условіяхъ.

„РАСПРОСТРАНИТЕЛЬ“

Редакт.-Издат. Ю. В. Гольдбергъ. Спб., Коммерческая Типо-Литографія Виленчика, Литейн. пр., 58.